

«Мои герои часто ранены любовью»

После парижской премьеры «Набережной Орфевр, 36» Даниэль Отой ответил на вопросы Андрея Плахова.

— Какова связь между старой картиной Анри-Жоржа Клузо и новой, которая называется почти так же?

— Никакой. Кроме того, что режиссер с оператором предпочитали ночные съемки и работали со светом так же, как это делалось в фильмах нуар 50–60-х годов — как французских, так и американских. Наша работа — скромное посвящение этому старому кинематографу.

— В вашем послужном списке — утонченные интеллектуалы и так называемые «средние французы», любовные авантюристы и фанатичные тюремщики. Вам удалось сыграть даже самого маркиза де Сада. Теперь к этим ролям добавился брутальный полицейский. Как вы ощущаете себя в столь разных одеждах?

— Это не одежды, это моя профессия. Например, я мало знал о маркизе де Саде. Начал работу с чтения его писем, остановился, кажется, на 31-м. Уже тогда по-

САНДРА

нял, что в этом характере много темных пятен. В каждом человеке живут причудливые фантазии и инстинктивные чувства. Актер отличается тем, что присваивает себе свойства персонажа. Я понимал, что это фикция, а не документальный фильм, и искал свою собственную правду. Подсознательно играл роль, которая совпадает с моей идеальной личностью, но старался быть деликатным и не ставить жирную точку. Точно так же я действовал и в «Набережной Орфевр».

— В каком жанре вы чувствуете себя комфортнее всего?

— Для меня неважно, комедия это или триллер. Я всегда играю историю парня, который борется с искушениями и каверзами жизни. Предпочитаю интровертных персонажей, мои герои часто фрустрированы, ранены любовью или жизненными неудачами.

— Но в жизни вы выглядите человеком вполне уверенным...

— Напрасно так думаете. Страхи преследуют меня так же, как других. Но мне повезло — я лечу их с помощью своей профессии. Хотел бы оставаться актером так долго, как только это возможно.

— Тогда, может быть, вы назовете режиссеров, которые сыграли в вашей карьере ключевую роль. Был ли у вас свой «крестный отец» в кинематографе?

— Наверное, Клод Берри, который пригласил меня сниматься в картине «Жан де Флоретт». Участие в большой костюмной постановке дало толчок моей карьере. Но самым главным стал Клод Соте: с ним я дружил тринадцать лет, вплоть до его смерти. Я играл в «Зимнем сердце» и других его фильмах героя, который чужд самому себе. Соте — большой мастер, он многому научил меня. Он дал мне силу или извлек ее изнутри меня.

— Есть ли такие режиссеры сегодня во французском кино?

— Их очень мало. Я и сегодня, когда решаю какую-то сложную актерскую задачу, спрашиваю себя, понравилось ли бы это Клоду. Кстати, один из фильмов, который мы вместе сделали, вдохновлен романом Лермонтова «Герой нашего времени». И еще один режиссер, который повлиял на меня, — Андре Тешине: с ним и с Катрин Денев мы делали фильм «Мое любимое время года».

От Даниэля

25.03.05